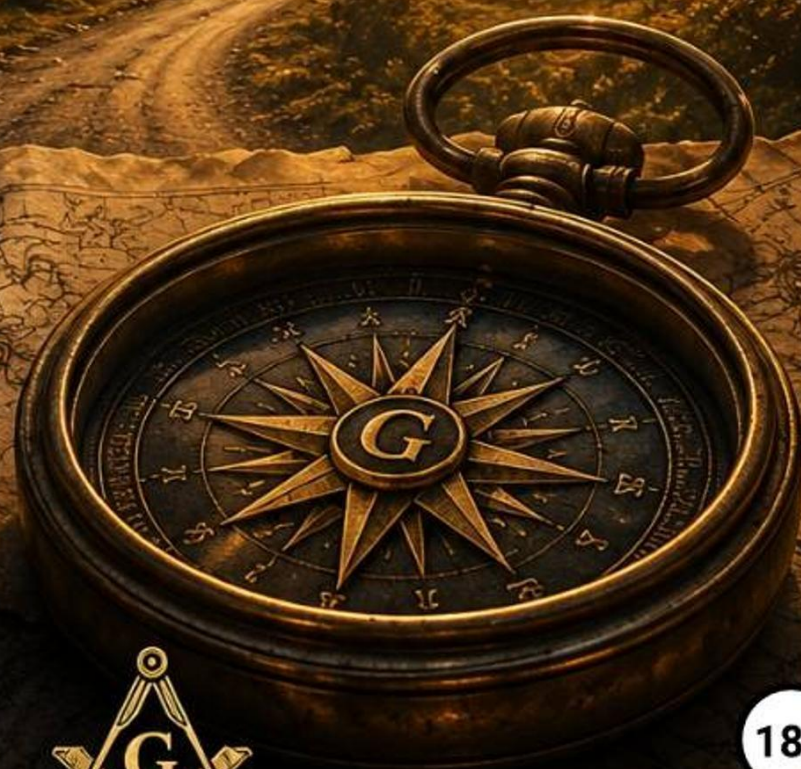

Александр Сергеевич
ВОКИНДАК

ВРЕМЯ ЖИТЬ

ВСЁ ТОЛЬКО
НАЧИНАЕТСЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Вокиндал

Время жить

«Автор»

2026

Вокиндал А.

Время жить / А. Вокиндал — «Автор», 2026

Роман «Время жить» — это история человека, который достиг возраста, когда уже многое потеряно, но ещё не всё окончательно решено. Александр работает в автомастерской, пьёт виски с друзьями, чинит старые машины, вспоминает ушедшие годы и пытается не задавать слишком много вопросов. Его жизнь состоит из маленьких радостей, случайных встреч, разговоров на кухнях, ночных поездок по шоссе и людей, каждый из которых несёт собственную боль. Это книга о поколении, выросшем среди кризисов, разводов, войны и обманутых надежд. О мужчинах и женщинах, которые не стали героями, но продолжают жить. О времени, когда самое трудное - не выжить, а не окаменеть внутри. Тихая, пронзительная проза о хрупкости счастья, одиночестве и редких мгновениях света, которые всё же делают жизнь стоящей.

© Вокиндал А., 2026

© Автор, 2026

Александр Вокиндал

Время жить

"Данная книга носит информационный характер. Автор не несет ответственности за возможные последствия применения изложенных советов"

"Все права защищены. Любое воспроизведение или распространение материалов без разрешения правообладателя запрещено".

Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения с реально живущими или когда-либо жившими людьми и событиями чистая случайность.

18+

2026 г.

Аннотация

Роман «Время жить» — это история человека, который достиг возраста, когда уже многое потеряно, но ещё не всё окончательно решено.

Александр работает в автомастерской, пьет виски с друзьями, чинит старые машины, вспоминает ушедшие годы и пытается не задавать слишком много вопросов. Его жизнь состоит из маленьких радостей, случайных встреч, разговоров на кухнях, ночных поездок по шоссе и людей, каждый из которых несёт собственную боль.

Это книга о поколении, выросшем среди кризисов, разводов, войны и обманутых надежд. О мужчинах и женщинах, которые не стали героями, но продолжают жить.

О времени, когда самое трудное - не выжить, а не окаменеть внутри.

Тихая, пронзительная проза о хрупкости счастья, одиночестве и редких мгновениях света, которые всё же делают жизнь стоящей.

Синопсис

Александр почти тридцать лет. Он работает в авторемонтной мастерской «Филевские брички» вместе с двумя друзьями — ироничным романтиком Сергеем и молчаливым мастером Амираном.

Их жизнь течёт между ремонтами машин, выпивкой, шутками, редкими заработками и попытками не думать о будущем.

В день рождения Саша подводит итоги прожитых лет: неудавшийся брак, потерянные города, умершие друзья, несбывшиеся планы. Его прошлое кажется набором разрозненных фрагментов, которые не складываются в цельную картину.

Случайная поездка за город, гонка на старой переделанной машине и знакомство с загадочной девушкой Аксиной становятся для Саши тонкой трещиной в привычной апатии. Впервые за долгое время ему хочется не просто прожить день, а чего-то ждать.

Параллельно разворачивается панорама жизней окружающих: соседей по студии, случайных знакомых, бедных, отчаявшихся, смешных и трогательных людей. Каждый из них по-своему борется за право продолжать существование.

Роман не строится вокруг внешнего конфликта. Его главный конфликт - внутренний: между желанием ничего не чувствовать и потребностью жить по-настоящему.

К финалу Саша не становится «новым человеком», не делает судьбоносного выбора, не побеждает систему. Но он делает куда более важный шаг — соглашается с тем, что жизнь, несмотря на всё, всё ещё возможна.

Время жить.

* * *

Июль. Небо было красным, как кровь.

Его еще не закрыло облако смога.

За крышами небоскребов оно светилося особенно сильно. Вот-вот должно было взойти солнце.

Саша посмотрел на часы – еще не было восьми. Он пришел на четверть часа раньше обычного.

Саша открыл ворота и подготовил порядок принятия автомобилей в автомастерскую «Филевские брички».

Всегда в это время уже подъезжали на станцию первые машины.

Вдруг за своей спиной он услышал хриплое кряхтение, – казалось, будто под землей проворачивают ржавый винт. Саша остановился и прислушался. Потом пошел через двор обратно в мастерскую и осторожно приоткрыл дверь автомагазина.

В полутемном помещении, спотыкаясь, бродило привидение. Оно было в грязном белом платке, синем переднике, в толстых мягких туфлях и размахивало метлой; весило оно не менее девяноста килограммов; это была наша уборщица Полина Геннадьевна.

Некоторое время Саша наблюдал за ней. С грацией бегемота сновала она взад и вперед между автомобильными запчастями и глухим голосом напевала песню о верном муже. На витрине у окна стояли две бутылки виски. В одной уже почти ничего не оставалось. Накануне вечером она была полна.

– Однако, Полина ... – сказал Саша.

Пение оборвалось. Метла упала на пол. Блаженная ухмылка погасла. Теперь уже он оказался привидением.

– Иисусе Христе, – заикаясь пробормотала Полина и уставилась на меня покрасневшими глазами. – Так рано я вас не ждала.

– Догадываюсь. Ну как? Пришлось по вкусу?

– Еще бы, но мне так неприятно. – Она вытерла рот. – Я просто ошалела.

– Ну, это уж преувеличение. Вы только пьяны. Пьяны в дым.

Она с трудом сохраняла равновесие. Ее усики подрагивали, и веки хлопали, как у старой совы. Но постепенно ей всё же удалось несколько прийти в себя. Она решительно шагнула вперед:

– Господин Александр, человек всего лишь человек. Сначала я только понюхала, потом сделала глоточек, а то у меня с желудком неладно, – да, а потом, видать, меня бес попутал. Не надо было вводить в искушение старую женщину и оставлять бутылку на столе.

Уже не впервые заставлял Саша ее в таком виде. Каждое утро она приходила на два часа убирать автомастерскую; там можно было оставить сколько угодно денег, она не прикасалась к ним. Но виски был для нее что сало для крысы.

Я поднял бутылку:

– Ну конечно, виски для клиентов и гостей, вы не тронули, а налегли на хороший, который господин Амиран держит для себя.

На обветренном лице Полины мелькнула усмешка:

– Что правда, то правда – в этом я разбираюсь. Но, господин Александр, вы же не выдадите меня, беззащитную вдову.

Саша покачал головой:

– Сегодня нет.

Она опустила подоткнутые губки.

– Ну, так я смоюсь. А то придет господин Амиран, и тогда такое начнется...

Саша подошел к шкафу и отпер его:

– Полина!

Она поспешно заковыляла к Александру. Он высоко поднял коричневую четырехгранную бутылку.

Она протестующе замахала руками:

– Это не я! Честью клянусь! Этого я не трогала!

– Знаю, – ответил он и налил полную рюмку. – А знаком ли вам этот напиток?

– Еще бы! – она облизнула губы. – Ром! Выдержанный, старый, ямайский!

– Верно. Вот и выпейте стаканчик. – Я? – она отшатнулась. – Господин Александр, это уж слишком. Вы пытаете меня на медленном огне. Тетя Полина тайком вылакала ваш коньяк, а вы ром еще ей подносите. Вы – просто святой, да и только! Нет, уж лучше я сдохну, чем выпью.

– Вот как? – сказал Саша и сделал вид, что собирается забрать рюмку.

– Ну, раз уж так... – она быстро схватила рюмку. – Раз дают, надо брать. Даже когда не понимаешь толком, почему. За ваше здоровье! Может, у вас день рождения?

– Да, вы в точку попали, Полина!

– В самом деле? Правда? – Она вцепилась в его руку и потрянула ее. – От всего сердца желаю счастья! И деньжонок побольше! Господин Александр! – Она вытерла рот.

– Я так разволновалась, что надо бы еще одну пропустить! Я же люблю вас, как родного сына.

– Вот и хорошо!

Саша налил ей еще рюмку. Она выпила ее единым духом и, осыпая его добрыми пожеланиями, вышла из автомастерской.

* * *

Он убрал бутылки и сел к столу. Бледный луч солнца, проникавший через окно, освещал его руки. Странное чувство испытываешь все-таки в день рождения, даже если никакого значения не придаешь ему. Тридцать лет... Было время, когда ему казалось, что он никак не доживет до двадцати, так хотелось поскорее стать взрослым. А потом...

Он вытащил из ящика листок свежей бумаги и стал вспоминать. Детство, школа... Все это так далеко ушло, словно никогда и не было. Настоящая жизнь началась только в 2012 году. Как раз тогда он стал изучать труды архитекторов. Тощий, долговязый, девятнадцатилетний, он падал и вскакивал, мчался на учебу, после глубокой ночи трудов.

В один из первых вечеров его мать пришла в комнату позвать на ужин его. Ей пришлось прождать целый час. Он неправильно отчертил проект на кальке. Мать хотела помочь ему, но ей не разрешил. Она плакала, что он совсем взрослый, а он так устал, что заснул, когда она сидела на его диване.

2012 год. Саратов. Саша с Алексеем купили в подвальчике бутылку красного вина. Собирались покутить. Но не вышло. На рассвете вспомнили что Саше нужно подавать документы в «СГТУ». В полдень Саша знакомится с Амираном... А к ночи, когда они уже надеялись отдохнуть и откупорили бутылку, заметили в сети, что его подруга попала в автокатастрофу.

Пока он предпринимал попытки помочь, всячески, заметил, было уже поздно. Пока он договаривался с телевидением сидя на кухне ее родителей. Она ушла на восток; лицо было белоснежным, как и платье...

2013. Это было в институте. Он расстается с девушкой, с которой учился в одной группе и пускается в кутеж.

2014. Снова кутеж, поиск отношений и себя. На другом конце страны солдаты воюют против солдат. Товарищи против товарищей.

Урезают стипендию, товарищи кто учились вместе ищут подработки.

2015. Свадьба. С друзьями отмечали свадьбу, и строили планы на светлое будущее...

2016. Он припоминал. И не мог уже вспомнить. Этот год просто выпал из памяти. В 2017-м он работал уже в пто год как. В 2018-м развелся, жена осталась с сыном, сменил город. То было время первой инфляции. В месяц он зарабатывал пятьдесят тысяч рублей. Деньги выдавали два раза в месяц, и каждый раз перерыв в выдаче затягивался, чтобы выйти из положения он решается с новой девушкой Анной покинуть и этот город, уезжая в Сибирь.

Что было потом? Что было в последующие годы? Он отложил карандаш. Не имело смысла вспоминать дальше. Саша уже и не помнил всего достаточно точно. Слишком всё перепуталось.

В последний раз он праздновал день рождения в кафе «Эльдорадо» в Энгельсе. Там он часто проезжал мимо во время подработок.

Потом опять встретил Амирана и Сергея.

И вот теперь он здесь, в «Москве» – в авторемонтной мастерской «Филевские брички» подразумевались Сергей и Саша, хотя мастерская, по документам, принадлежала только Амирану.

Он был их товарищем. позже он стал другом, некоторое время был студентом, затем инженером обслуживания дорог и, наконец, купил эту лавочку. Сперва к нему присоединился Саша, который до этого несколько лет учились вместе, а потом и Сергей.

Александр вытащил из кармана сигарету. Собственно говоря, он мог быть вполне доволен. Жилось ему неплохо, он имел работу, был силен, вынослив и, как говорится, находился в добром здравии;

Но всё же лучше было не раздумывать слишком много. Особенно наедине с собой. И по вечерам. Не то внезапно возникало прошлое и тарщило мертвые глаза. Но для таких случаев существовало виски.

* * *

Распахнулись двери автомастерской.

Саша разорвал листок с датами своей жизни и бросил его под стол в корзинку. Дверь распахнулась. На пороге стоял Сергей Арефьев, худой, высокий, с коротко остриженной головой и носом, который, вероятно, предназначался для совершенно другого человека.

Следом за ним вошел Амиран. Сергей встал перед Сашей;

– Саня – заорал он. – Старый обжора! Встать и стоять как полагается! Твои друзья желают говорить с тобой!

– Господи боже мой, – Саша поднялся. – А я надеялся, что вы не вспомните...

Сжальтесь надо мной, ребята!

– Ишь чего захотел! – Сергей положил на стол пакет, в котором что-то звякнуло.

– Саня Кто первым повстречался тебе сегодня утром? Он стал вспоминать...

– Танцующая старуха!

– Скопперфильдимся!

Какое дурное предзнаменование! Но оно подходит к твоему гороскопу. Я вчера его составил. Ты родился под знаком Рака и, следовательно, непостоянен, колеблешься как тростник на ветру, на тебя воздействуют какие-то подозрительные листригоны Сатурна, а в том году еще и Юпитер. И поскольку Эмир и я твои друзья тут, я вручаю тебе для начала некое средство защиты. Прими этот амулет! Правнучка инков однажды подарила мне его. У нее была голубая кровь, плоскостопие, вши и дар предвидения. «Белокожий чужестранец, – сказала она мне. – Его носили цари, в нем заключены силы Солнца, Луны и Земли, не говоря уже о прочих мелких планетах. Дай пару рублей на водку и можешь носить его». Чтобы не прерывалась эстафета счастья, передаю амулет тебе. Он будет охранять тебя и обратит в бегство враждебного Юпитера, – Сергей повесил Саше на шею маленькую черную фигурку на тонкой цепочке. –

Так! Это против несчастий, грозящих свыше. А против повседневных бед – вот подарок Эмир! Шесть бутылок виски, который вдвое старше тебя самого!

Развернув пакет, Сергей поставил бутылки одну за другой на стол, освещенный утренним солнцем. Они отливали янтарем.

– Чудесное зрелище, – сказал Саша. – Где ты их раздобыл, Эмир?

Амиран засмеялся:

– Это была хитрая штука. Долго рассказывать. Но лучше скажи, как ты себя чувствуешь? Как тридцати трехлетний?

Саша отмахнулся:

– Так, будто мне шестнадцать и пятьдесят лет одновременно. Ничего особенного.

– И это ты называешь «ничего особенного»? – возразил Сергей. – Да ведь лучшего не может быть. Это значит, что ты властно покорил время и проживешь две жизни.

Амиран поглядел на Сашу.

– Оставь его, Сергей, – сказал он. – Дни рождения тягостно отражаются на душевном состоянии. Особенно с утра. Он еще отойдет.

Сергей прищурился:

– Чем меньше человек заботится о своем душевном состоянии, тем большего он стоит, Саша. Это тебя хоть немного утешает?

– Нет, – сказал он, – совсем не утешает. Если человек чего-то стоит, – он уже только памятник самому себе. А по-моему, это утомительно и скучно.

– Эмир, послушай, он философствует, – сказал Сергей, – и значит, уже спасен. Роковая минута прошла! Та роковая минута дня рождения, когда сам себе пристально смотришь в глаза и замечаешь, какой ты жалкий цыпленок. Теперь можно спокойно приниматься за работу и смазать потроха старому кадиллаку...

* * *

Они работали до сумерек. Потом умылись и переоделись. Сергей жадно поглядел на шеренгу бутылок:

– А не свернуть ли нам шею одной из них?

– Пусть решает Саша, – сказал Амиран.

– Это просто неприлично, Сергей, делать такие неуклюжие намеки тому, кто получил подарок.

– Еще неприличнее заставлять умирать от жажды подаривших, – возразил Сергей и откупорил бутылку. Аромат растекся по всей мастерской.

– Скопперфильдимся! – сказал Сергей. Они стали приняховаться.

– Эмир, аромат сказочный. Нужно обратиться к самой высокой поэзии, чтобы найти достойное сравнение.

– Да, такой виски слишком хорош для нашего мрачного сарая! – решил Сергей. – Знаете что? Поедем за город, поужинаем где-нибудь и прихватим бутылку с собой. Там, на лоне природы, мы ее и выдеем.

– Блестяще.

Они откатали в сторону кадиллак, с которым возились весь день. За ним стоял очень странный предмет на четырех колесах. Это была гоночная машина Амирана – гордость нашей мастерской.

Однажды на аукционе Амиран купил по дешевке старую колымагу с высоким кузовом. Присутствовавшие специалисты, не колеблясь заявили, что это занятный экспонат для музея истории транспорта.

Тимофей – владелец фабрики дамских пальто и гонщик-любитель – посоветовал Эмиру переделать свое приобретение в машину для ралли. Но Амиран не обращал ни на кого внимания. Он разобрал машину, как карманные часы, и несколько месяцев подряд возился с ней, оставаясь иногда в мастерской до глубокой ночи. И вот однажды он появился в своем автомобиле перед баром, в котором друзья обычно сидели по вечерам. Тимофей едва не свалился от хохота, так уморительно всё это выглядело. Шутки ради он предложил Эмиру пари. Он ставил двести тысяч против двадцати, если Амиран захочет состязаться с его новой гоночной машиной: дистанция десять километров и один километр форы для машины Эмира.

Они ударили по рукам. Вокруг смеялись, предвкушая знатную потеху. Но Эмир пошел дальше: он отказался от форы и с невозмутимым видом предложил повысить ставку до тысячи долларов против тысячи. Изумленный Тимофей спросил, не отвезти ли его в психиатрическую лечебницу. Вместо ответа Амиран запустил мотор. Оба стартовали немедленно. Тимофей вернулся через полчаса и был так потрясен, словно увидел морского змея. Он молча перевел деньги на карту, а затем стал уговаривать выкупить за любые деньги этот экспонат.

Амиран высмеял его. Теперь он не продаст ее ни за какие деньги. Но как ни великолепны были скрытые свойства машины, внешний вид ее был страшен. Для повседневного обихода друзья поставили самый старомодный кузов, старомодней нельзя было сыскать. Лак потускнел. На крыльях были трещины, а верх прослужил, пожалуй, не меньше десятка лет. Разумеется, они могли бы отделать машину значительно лучше, но у них были основания поступить именно так.

Они называли машину «Зубило». «Зубило» – призрак Хорошевского шоссе.

* * *

Их «Зубило», сопя, тянул вдоль Новорижского шоссе.

– Эмир, – сказал Саша. – Приближается жертва.

Позади нетерпеливо сигналил тяжелый мустанг. Он быстро догонял ребят. Вот уже сравнялись радиаторы. Мужчина за рулем пренебрежительно поглядел в их сторону. Его взгляд скользнул по обшарпанному «Зубилоу». Потом он отвернулся и сразу забыл о них.

Через несколько секунд он обнаружил, что «Зубило» идет с ним вровень. Он уселся плотнее, удивленно взглянул на друзей и прибавил газу. Но «Зубило» не отставал. Маленький и стремительный, он мчался рядом со сверкающей никелем и лаком машиной, словно котенок рядом с собакой.

Мужчина крепче схватился за руль. Он еще ничего не подозревал и насмешливо скривил губы. Теперь он явно собирался показать друзьям, на что способна его телега. Он нажал на акселератор так, что глушитель зачирикал, как стая жаворонков над летним полем, по это не помогло: он не обогнал их. Словно заколдованный, прилепился к мустангу уродливый и неприглядный «Зубило». Хозяин мустанга изумленно вытаращился на них. Он не понимал, как это при скорости в сто шестьдесят километров он не может оторваться от старомодной коляски. Он с недоверием посмотрел на свой спидометр, словно тот мог обмануть. Потом дал полный газ.

Теперь машины неслись рядышком вдоль прямого длинного шоссе в сторону Волоколамска. Через несколько сот метров впереди показался грузовик, который громыхал им навстречу. Мустангу пришлось уступить дорогу, и он отстал. Едва он снова поравнялся с «Зубилом», как промчался автокатафалк с развевающимися лентами венков, и он снова должен был отстать. Потом шоссе очистилось.

Между тем водитель мустанга утратил всё свое высокомерие. Раздраженно сжав губы, сидел он, пригнувшись к рулю, его охватила гоночная лихорадка. Вдруг оказалось, что его честь зависит от того, сумеет ли он оставить позади этого щенка. Друзья же сидели на своих местах с видом полнейшего равнодушия. Мустанг просто не существовал для них. Амиран спокойно глядел на дорогу, Саша, скучая, уставился в пространство, а Сергей, хотя к этому

времени он уже превратился в сплошной комок напряженных нервов, достал смартфон и углубился в него, словно для него сейчас не было ничего важнее.

Несколько минут спустя Амиран подмигнул друзьям, «Зубило» незаметно убавлял скорость, и Мустанг стал медленно перегонять. Мимо них пронеслись его широкие сверкающие крылья, глушитель с грохотом швырнул им в лицо голубой дым. Постепенно Мустанг оторвался примерно метров на двадцать. И тогда, как они этого и ожидали, из окна показалось лицо водителя, ухмыляющееся с видом явного торжества. Он считал, что уже победил.

Но он не ограничился этим. Он не мог отказать себе в удовольствии поиздеваться над побежденными и махнул парням, приглашая догонять. Его жест был подчеркнуто небрежен и самоуверен.

– Эмир, – призывно произнес Сергей.

Но это было излишним. В то же мгновение «Зубило» рванулся вперед. Турбина засветила.

И махнувшая им рука сразу же исчезла: «Зубило» последовал приглашению – он догонял. Он догонял неудержимо; нагнал, и тут-то впервые они обратили внимание на чужую машину. С невинно вопрошающими лицами смотрели друзья на человека за рулем. Их интересовало, почему он махал им. Но он, судорожно отвернувшись, смотрел в другую сторону, а «Зубило» мчался теперь на полном газу, покрытый грязью, с хлопающими крыльями, – победоносный навозный жук.

– Отлично сделано, Эмир, – сказал Сергей -Амиран у. – Этому парню мы испортили к ужину аппетит, да и перед его девушкой он выглядит неуклюже.

Ради таких гонок они и не меняли кузов «Зубила». Стоило ему появиться на дороге, и кто-нибудь уже пытался его обогнать. На иных автомобилистов он действовал, как подбитая ворона на стаю голодных кошек.

Он подзадоривал самые мирные семейные экипажи пускаться наперегонки, и даже тучных бородачей охватывал неудержимый гоночный азарт, когда они видели, как перед ними пляшет этот разболтанный остов. Кто мог подозревать, что за такой смешной наружностью скрыто могучее сердце гоночного мотора!

Сергей утверждал, что «Зубило» воспитывает людей. Он, мол, прививает им уважение к творческому началу, – ведь оно всегда прячется под неказистой оболочкой. Так говорил Сергей, который себя самого называл последним романтиком.

* * *

Друзья остановились перед маленьким кафе и выбрались из машины. Вечер был прекрасным и тихим. Борозды свежеспаханных полей казались фиолетовыми, а их мерцающие края были золотисто-коричневыми. Словно огромные фламинго, проплывали облака в яблочном зеленом небе, окружая узкий серп молодого месяца.

Из маленького кафе доносился запах жареной картошки и лука. Их сердца забились учащенно.

Сергей бросился в дом навстречу манящему запаху. Он вернулся сияющий:

– Вы должны полюбоваться жареной картошкой! Скорее. Не то самое лучшее съедят без нас!

В это мгновение с шумом подкатила еще одна машина. Друзья замерли, словно пригвожденные. Это был тот самый мустанг. Он резко затормозил рядом с «Зубилом».

– Опана! – сказал Сергей.

Им уже не раз приходилось драться в подобных случаях. Мужчина вышел. Он был рослый, грузный, в широком коричневом реглане из верблюжьей шерсти. Неприязненно покосившись на «Зубило», он снял большие черные перчатки и подошел к ним.

– Какой марки ваша машина? – спросил он с уксуснокислой гримасой, обращаясь к Амирану, который стоял ближе к нему.

Друзья некоторое время помолчали. Несомненно, он считал их автомеханиками, выехавшими в воскресных костюмах погулять на чужой машине.

– Вы, кажется, что-то сказали? – спросил, наконец, Эмир с сомнением. Его тон указывал на возможность быть повежливей.

Мужчина покраснел.

– Я спросил об этой машине, – заявил он ворчливо.

Сергей выпрямился.

Его глаз дрогнул. Он был чрезвычайно требователен в вопросах вежливости ко всем, кто с ним соприкасался. Но внезапно, прежде чем он успел открыть рот, распахнулась вторая дверца мустанга. Выскользнула узкая нога, мелькнуло тонкое колено. Вышла девушка и медленно направилась к товарищам.

Они переглянулись, пораженные.

Сергей немедленно изменил позицию. Он широко улыбнулся, всё его белоснежное лицо расплылось. И они все тоже вдруг заулыбались неизвестно почему.

Толстяк удивленно глядел на ребят. Он чувствовал себя неуверенно и явно не знал, что же делать дальше. Наконец он представился, сказав с полупоклоном: «Фролов», цепляясь за собственную фамилию, как за якорь спасения.

Девушка подошла к ним. Они стали еще приветливей.

– Так покажи им машину, Эмир, – сказал Сергей, бросив быстрый взгляд на Амирана.

– Что ж, пожалуй, – ответил Эмир, улыбаясь одними глазами.

– Да, я охотно посмотрел бы, – Фролов говорил уже примирительное. – У нее, видно, чертовская скорость. Этак, за здорово живешь, оторвалась от меня.

Они вдвоем подошли к машине, и Амиран поднял капот «Зубила».

Девушка не пошла с ними. Стройная и молчаливая, она стояла в сумерках рядом со Сашей и Сергеем. Саша ожидал, что Сергей использует обстоятельства и взорвется, как бомба.

Ведь он был мастер в подобных случаях. Но, казалось, он разучился говорить. Обычно он токовал, как тетерев, а теперь стоял словно монах, давший обет молчания, и не двигался с места.

– Простите, пожалуйста, – сказал наконец Саша. – Мы не заметили, что вы сидели в машине. Мы не стали бы так гонять.

Девушка поглядела на Сашу.

– А почему бы нет? – возразила она спокойно и неожиданно низким, и одновременно звонким голосом. – Ведь в этом же не было ничего дурного.

– Дурного-то ничего, но мы поступили не совсем честно. Ведь наша машина дает примерно двести восемьдесят километров в час.

Она слегка наклонилась и засунула руки в карманы пальто:

– Двести восемьдесят километров?

– Точнее, двести восемьдесят пять по официальному хронометражу, – с гордостью выпалил Сергей.

Она засмеялась:

– А мы думали, сто – ну сто двадцать, не больше.

– Вот видите, – сказал Саша. – Вы ведь не могли этого знать.

– Нет, – ответила она. – Этого мы действительно не могли знать. Мы думали, что Мустанг втрое быстрее вашей машины.

– То-то же. – Я Эмир толкнул ногою сломанную ветку. – А у нас было слишком большое преимущество. И господин Фролов, вероятно, здорово разозлился на нас.

Она засмеялась:

- Конечно, но ненадолго. Ведь нужно уметь и проигрывать. Иначе нельзя было бы жить.
- Разумеется...

Возникла пауза. Саша поглядел на Сергея. Но последний романтик только ухмылялся и подергивал носом, покинув его на произвол судьбы.

Шумели березы. За домом закудаhtала курица.

- Чудесная погода, – сказал Саша наконец, чтобы прервать молчание.

– Да, великолепная, – ответила девушка.

– И такая мягкая, – добавил Сергей.

– Просто необычайно мягкая, – завершил Саша. Возникла новая пауза.

Девушка, должно быть, считала нас порядочными крестинами. Но Саша при всех усилиях не мог больше ничего придумать. Сергей начал принохиваться.

– Шарлотка, – сказал он растроганно. – Кажется, тут подают к картошке еще и шарлотку. Вот это – повезло.

– Несомненно, – подтвердил Саша, мысленно проклиная себя и его.

* * *

Амиран и Фролов вернулись. За эти несколько минут Фролов стал совершенно другим человеком. По всей видимости, он был одним из тех автомобильных маньяков, которые испытывают совершеннейшее блаженство, когда им удастся встретить специалиста, с которым можно поговорить.

– Не поужинаем ли мы вместе? – спросил он.

– Разумеется, – ответил Сергей.

Они вошли в кафе. В дверях Сергей подмигнул Саше, кивнув на девушку:

– А знаешь, ведь она с лихвой искупает утреннюю встречу с танцующей старухой.

Саша пожал плечами:

– Возможно. Но почему это ты предоставил мне одному заикаться?

Он засмеялся:

– Должен же и ты когда-нибудь научиться...

– Не имею никакого желания еще чему-нибудь учиться, – сказал Саша.

Они последовали за остальными. Новая компания уже сидела за столом. Хозяйка кафе подавала баранину и жареную картошку. В качестве вступления она поставила большую бутылку купажированного виски. Фролов оказался говорунот неупрдержимым, как птица говорун. Чего он только не знал об автомобилях! Когда же он услышал, что Амирану приходилось участвовать в гонках, его симпатия к Эмиру перешла все границы.

Саша пригляделся к Фролову внимательнее. Он был грузный, рослый, с красным лицом и густыми бровями;

Несколько хвастлив, несколько шумен и, вероятно, добродушен, как люди, которым везет в жизни. Саша мог себе представить, что по вечерам, прежде чем лечь спать, он серьезно, с достоинством и почтением разглядывает себя в зеркало.

Девушка сидела между Сергеем и Сашей.

Она сняла пальто и осталась в сером платье.

На шее у нее была серебристая цепочка с кулоном, напоминавшая знак зодиака. При свете лампы ее шелковистые каштановые волосы отливали янтарем. Очень прямые плечи слегка выгибались вперед, руки узкие, с длинными пальцами казались суховатыми. Большие голубые глаза придавали тонкому и бледному лицу выражение страстности и силы. Она была очень хороша, как Саше показалось, – но для него это не имело значения.

Зато Сергей загорелся.

Он совершенно преобразился. Он извергал фейерверки своих шуток и вместе с Фроловот царил за столом. Саша же сидел молча и только изредка напоминал о своем существова-

нии, передавая тарелку или предлагая сигарету. Да еще чокался с Фроловым. Это он делал довольно часто. Сергей внезапно хлопнул себя по лбу:

– А вискарь! Саша, тащи-ка наш виски, припасенный к дню рождения.

– К дню рождения?

«У кого сегодня день рождения?» —спросила девушка.

– У меня, – ответил Саша. – Меня уже весь день сегодня этим преследуют.

– Преследуют? Значит, вы не хотите, чтобы вас поздравляли?

– Почему же? Поздравления – это совсем другое дело.

– Ну, в таком случае желаю вам всего самого лучшего.

В течение одного мгновения Саша держал ее руку в своей и чувствовал ее теплое пожатие. Потом он вышел, чтобы принести виски. Огромная молчаливая ночь окружала маленькое кафе. Кожаные сиденья их машины были влажны. Саша остановился, глядя на горизонт; там светилось красноватое зарево города. Он охотно задержался бы подольше, но Сергей уже звал его.

Для Фролова виски оказался слишком крепким. Это обнаружилось уже после второго фужера. Качаясь, он выбрался в летнюю веранду. Саша с Сергеем встали и подошли к стойке. Сергей потребовал бутылку джина. – Великолепная девушка, не правда ли?

– спросил он.

– Не знаю, Сергей, – ответил Саша. – Не особенно к ней приглядывался.

Он некоторое время пристально смотрел на друга своими голубыми глазами и потом тряхнул головой:

– И для чего только ты живешь, скажи мне?

– Именно это хотел бы я и сам знать, – ответил Саша. Он засмеялся:

– Ишь, чего захотел. Легко это знание не дается. Но сперва я хочу выведать, какое она имеет отношение к этому толстому кошельку.

Сергей пошел за Фроловым в беседку под открытым небом. Потом они вернулись вдвоем к стойке. Видимо, Сергей получил благоприятные сведения и, в явном восторге Эмира, что дорога свободна, бурно ухаживал за Фроловым.

Они распили вдвоем еще бутылку джина и час спустя уже были на «ты». Сергей, когда он бывал хорошо настроен, умел так увлекать окружающих, что ему нельзя было ни в чем отказать. Да он и сам тогда не мог себе ни в чем отказать. Теперь он полностью завладел Фроловым, и вскоре оба, сидя в беседке, распевали солдатские песни. А про девушку последний романтик тем временем совершенно забыл.

* * *

Они остались втроем в зале кафе. Внезапно наступила тишина. Мерно тикали настенные советские часы. Хозяйка убирала стойку и по-матерински поглядывала на компанию.

У домашнего камина растянулась собака. Время от времени она лаяла со сна, – тихо, визгливо и жалобно. За окном шурша скользил ветер. Его заглушали обрывки солдатских песен, и Саше казалось, что маленькая комнатка кафе вместе с ними подымается ввысь и, покачиваясь, плывет сквозь ночь, сквозь годы, сквозь множество воспоминаний.

Было какое-то странное настроение. Словно время остановилось; оно уже не было рекой Волгой, вытекающей из мрака и впадающей в мрак, – оно стало морем, в котором безмолвно отражалась жизнь. Саша поднял свой бокал. В нем поблескивал виски. Он вспомнил записку, которую составлял с утра в мастерской. Тогда ему было немного грустно. Сейчас всё прошло. Ему было всё безразлично, – живи, пока жив.

Он посмотрел на Амира. Тот говорил с девушкой, Саша слушал, но не различал слов.

Саша почувствовал мягкое озарение первого хмеля, согревающего кровь, которое он любил потому, что в его свете всё неопределенное, неизвестное, кажется таинственным приключением.

В саду Сергей и Фролов пели песню о десантнике в Пашутинском лесу.

Рядом с ним звучал голос незнакомой девушки; она говорила тихо и медленно, низким, волнующим, чуть звонким голосом. Он допил свой бокал.

Вернулись Сергей и Фролов. Они несколько протрезвели на свежем воздухе. Все стали собираться. Саша подал девушке пальто. Она стояла перед ним, плавно расправляя плечи, откинув голову назад, чуть приоткрыв рот в улыбке, которая никому не предназначалась и была направлена куда-то в потолок. На мгновение Саша опустил пальто. Как же это он ничего не замечал всё время? Неужели он спал? Внезапно он понял восторг Сергея.

Она слегка повернулась ко нему и поглядела вопросительно. Саша снова быстро поднял пальто и посмотрел на Фролова, который стоял у стола, всё еще пурпурно-красный и с несколько остекленевшим взглядом.

– Вы полагаете, он сможет вести машину? – спросил Саша.

– Надеюсь.

Он всё еще оглядывал её:

– Если в нем нельзя быть уверенным, один из нас мог бы поехать с вами.

Она достала тоналку и открыла ее.

– Обойдется, – сказала она. – Он даже лучше водит после выпивки.

– Лучше и, вероятно, неосторожнее, – возразил Саша. Она смотрела на него поверх своего маленького зеркальца, плавно нанося длинными пальчиками тоналку.

– Надеюсь, всё будет благополучно, – сказал Саша. Его опасения были очень преувеличены, потому что Фролов держался достаточно хорошо. Но ему хотелось что-то предпринять, чтобы она еще не уходила.

– Вы разрешите мне завтра написать вам, чтобы узнать, всё ли в порядке? – спросил Саша.

Она ответила не сразу.

– Ведь мы несем известную ответственность, раз уж затеяли эту выпивку, – продолжал он, – из особенности я со своим днем рождения.

Она засмеялась:

– Ну что же, пожалуйста, – мой телеграмм канал, там найдете доступ что бы мне написать, протягивая смартфон, на котором высветился qr -код.

Как только друзья вышли, Саша сразу же сохранил ее контакт с канала. Они поглядели, как Фролов отъехал, и выпили еще по рюмке на прощанье. Потом запустили своего «Зубило». Он понесся сквозь легкий июльский туман. Они дышали учащенно, город двигался навстречу, сверкая и колеблясь, и, словно ярко освещенный пестрый корабль, в волнах тумана возник Паб «Псы». Они поставили «Зубило» на якорь. Жидким золотом тек виски, джин сверкал, как аквамарин, а абсент был воплощением самой жизни.

В железной неподвижности восседали они на высоких табуретах у стойки, вокруг них плескалась музыка, и бытие было светлым и мощным;

Оно наполняло их новой силой, забывалась безнадежность убогих меблированных комнат, ожидающих друзей, и всё отчаянье их существования. Стойка бара была капитанским мостиком на корабле жизни, и они, шумя, неслись навстречу будущему.

* * *

На следующий день было воскресенье. Саша спал долго и проснулся только когда солнце осветило его постель. Быстро вскочив, он распахнул окно. День был свеж и прозрачно ясен. Он поставил турку на плиту и стал искать коробку с кофе.

Его хозяйка – Оксана Николаевна – разрешала ему варить кофе в студии.

Сама она варила слишком жидкий. Ему он не годился, особенно наутро после выпивки. Вот уже два года, как он жил в студии Оксаны Николаевны, жившей напротив и часто навещавшая его. Ему нравилась улица. Здесь всегда что-нибудь происходило, потому что вблизи друг от друга расположились Московский зоопарк, Ресторан «Sabor de la Vida» и Авиапарк. К тому же, перед его домом находилось старое кладбище, на котором уже давно никого не хоронили. Там было много деревьев, как в парке, и в тихие ночи могло показаться, что живешь за городом. Но тишина наступала поздно, потому что рядом с кладбищем была шумная улица 1905 года.

Для Оксаны Николаевны соседство кладбища было на руку. Ссылаясь на хороший воздух и приятный вид, она требовала более высокую плату.

Каждый раз она говорила одно и то же: «Вы только подумайте, друзья, какое местоположение!»

Одевался Саша медленно. Это позволяло ему ощутить воскресенье.

Он умылся, побродил по комнате, прочел новости в смартфоне, заварил кофе и, стоя у окна, смотрел, как поливают улицу, слушал пение птиц на высоких кладбищенских деревьях.

Он выбрал рубашку и носки, и выбирал так долго, словно у него их было в двести раз больше, чем на самом деле. Насвистывая, он опорожнил свои карманы: банковские карты, перочинный нож, ключи, сигареты... вдруг вчерашняя записка с номером телефона и именем девушки. Аксинья Алексеевна. Странное имя – Аксинья. Он положил записку на стол. Неужели это было только вчера? Каким давним это теперь казалось, – почти забытым в жемчужно-сером чаду опьянения. Как странно всё-таки получается: когда пьешь, очень быстро сосредоточиваешься, но зато от вечера до утра возникают такие интервалы, которые длятся словно годы.

Он сунул записку под стопку книг. Позвонить или написать? Пожалуй... А пожалуй, не стоит. Ведь на следующий день всё выглядит совсем по-другому, не так, как представлялось накануне вечером. В конце концов он был вполне удовлетворен своим положением. Последние годы его жизни были достаточно суматошливыми. «Только не принимать ничего близко к сердцу, – говорил Амиран. – Ведь то, что примешь, хочешь удержать. А удержать нельзя ничего».

В это мгновение в соседней комнате начался обычный воскресный утренний скандал. Саша искал кепку, которую, видимо, забыл где-то накануне вечером, и поневоле некоторое время прислушивался. Там неистово нападали друг на друга супруги Ивановы. Они уже пять лет жили здесь в маленькой комнате. Это были неплохие люди. Если бы у них была трехкомнатная квартира с кухней, в которой жена хозяйничала бы, да к тому же был бы еще и ребенок, их брак, вероятно, был бы счастливым. Но на квартиру нужны деньги. И кто может себе позволить иметь ребенка в такое беспокойное время. Вот они и теснились вдвоем; жена стала истеричной, а муж всё время жил в постоянном страхе. Он боялся потерять работу, для него это был бы конец. Иванову было сорок пять лет. Окажись он безработным, никто не дал бы ему нового места, а это означало беспросветную нужду. Раньше люди опускались постепенно, и всегда еще могла найтись возможность вновь подняться, теперь за каждым увольнением зияла пропасть вечной безработицы, ну или бесперспективное курьерство с утра до ночи.

Саша хотел было тихо уйти, но раздался стук, и, спотыкаясь, вошел Иванов. Он свалился на стул:

– Я этого больше не вынесу.

Он был, по сути, добрый человек, с покатыми плечами и маленькими усиками.

Скромный, добросовестный работяга. Но именно таким теперь приходилось особенно трудно.

Да, пожалуй, таким всегда приходится труднее всех. Скромность и добросовестность вознаграждаются только в романах. В жизни их используют, а потом отшвыривают в сторону.

Иванов поднял руки:

– Подумайте только, опять у нас уволили двоих. Следующий на очереди я, вот увидите, я!

В таком страхе он жил постоянно от первого числа одного месяца до первого числа другого. Саша налил ему рюмку водки. Он дрожал всем телом. В один прекрасный день он свалится, – это было очевидно. Больше он уже ни о чем не мог говорить.

– И всё время эти упреки... – прошептал он. Вероятно, жена упрекала его в том, что он испортил ей жизнь. Это была женщина сорока двух лет, несколько рыхлая, отцветшая, но, разумеется, не так опустившаяся, как муж. Ее угнетал страх приближающейся старости. Вмешиваться было бесцельно.

– Послушайте, Иванов, – сказал Саша.

– Оставайтесь у меня сколько хотите. Мне нужно уйти. В холодильнике стоит коньяк, может быть, он вам больше понравится. Вот виски. Вот пульт от телевизора. А потом, знаете что? Уйдите вечером с женой из этого логова. Ну, сходите хотя бы в кино. Это обойдется вам не дороже, чем два часа в интернет-кафе. Но зато больше удовольствия. Сегодня главное: уметь забывать! И не раздумывать! – Саша похлопал его по плечу, испытывая что-то вроде угрызения совести. Впрочем, кино всегда годится. Там каждый может помечтать.

* * *

Дверь в соседнюю квартиру была распахнута. Слышались рыдания жены. Саша пошел по коридору. Следующая дверь была приоткрыта. Там подслушивали. Оттуда струился густой запах косметики. Это была комната Анастасии Калашниковой – личной секретарши. Она одевалась слишком элегантно для своей зарплаты, но один раз в неделю шеф диктовал ей до утра. И тогда на следующий день у нее, бывало, очень плохое настроение. Зато каждый вечер она ходила в кафе и кабаки- рестораны. Она говорила, что если не танцевать, то и жить не захочется. У нее было двое друзей. Один любил ее и приносил ей цветы. Другого любила она и давала ему деньги.

Рядом с ней жил Павел Б – русский голубоглазый мужчина, статист на киносъемках, наемный партнер для танцев, Фрукт с седыми висками. Он замечательно играл на гитаре. Каждый вечер он молился Казанской божьей матери, выпрашивая должность методиста в большом кино.

А когда напивался, становился слезлив. Следующая дверь – студия Наталии, медицинской сестры в приюте для грудных детей. Ей было пятьдесят лет. Муж погиб на СВО. Двое детей умерли в 2026 году от голода. У нее была пестрая кошка. Единственное ее достояние.

Рядом с ней – Антипов, казначей на пенсии. Секретарь профкома Единой России. Живая коллекция алкогольных бутылок, и ничего больше. Счастливый человек.

В последнюю дверь Саша постучал.

– Ну, Гриша, – спросил Саша, – всё еще ничего нового?

Гриша Балконский покачал головой. Он был студентом второго курса. Для того чтобы прослушать два курса, он два года работал на шахте. Но деньги, которые скопил тогда, были почти полностью израсходованы, оставалось еще месяца на два. Вернуться на шахту он не мог – теперь там было слишком много безработных горняков. Он тщетно пытался получить хоть какую-нибудь работу. В течение одной недели он распространял рекламные листовки мебельной фабрики. Но фабрика обанкротилась. Вскоре он стал вело-курьером и облегченно вздохнул.

Но три дня спустя на рассвете его остановили два парня в форменных фуражках, отняли велосипед, отняли терма-сумку и заявили, чтобы он не смел больше покушаться на чужую работу, к которой не имеет отношения. У них достаточно своих безработных.

Всё же на следующее утро он вышел опять, хотя ему пришлось оплатить терма-сумку Яндексa.

Его сшиб какой-то велосипедист. Продукты полетели в грязь. Это обошлось ему еще в две тысячи. Он пошел в третий раз и вернулся в изорванном костюме и с разбитым лицом. Тогда он сдался. Отчаявшись, Гриша сидел теперь целыми днями в своей комнате и зубрил как сумасшедший, словно это имело какой-то смысл. Ел он один раз в день. А между тем было совершенно безразлично – закончит он курс или нет. Даже сдав экзамены, он мог рассчитывать на работу не раньше, чем через десять лет.

Саша сунул ему пачку сигарет:

– Плюнь ты на это дело, Гриша. Я тоже плюнул в свое время на инженерию. Ведь сможешь потом, когда захочешь, начать снова.

Он покачал головой:

– Нет, после шахты я убедился: если не заниматься каждый день, то полностью выбиваешься из колеи; нет, во второй раз мне уж не осилить.

Саша смотрел на бледное лицо с торчащими ушами, близорукие глаза, щуплую фигуру с впалой грудью. Эх, проклятье!

– Ну, будь здоров, Гришаня. – Саша вспомнил: родителей у него уж тоже нет.

Кухня. На стенке чучело – голова дикого кабана, – наследство, оставленное покойным отцом. Рядом в прихожей проводной телефон. Полумрак. Пахнет газом и плохим жиром. Входная дверь со множеством визитных карточек у звонка. Среди них и Сашина.

– «Александр, ведущий инженер технадзор. Два долгих звонка». Она пожелтела и загрязнилась. Технадзор... Видите ли каков! Давно это было. И он спустился по лестнице в кафе – ресторан «Sabor de la Vida»

* * *

Ресторан представлял собой большой, темный, прокуренный, длинный, как кишка, зал со множеством боковых мест. Впереди, возле стойки, стояло пианино. Оно было расстроено, несколько струн лопнуло, и на многих клавишах не доставало костяных пластинок; но он любил этот славный заслуженный музыкальный ящик. Целый год его жизни был связан с ним, когда он работал здесь инженером по ремонту помещений.

В боковых комнатах кафе проводили свои собрания торговцы биткоинов; иногда там собирались владельцы бизнес такси и управляющие таксопарками. У входа в зал сидели проститутки.

В рестике было пусто. Один лишь официант Артём стоял у стойки. Он спросил:

– Как обычно?

Саша кивнул. Он принес ему стакан виски пополам с коллой. Саша сел к столику и, ни о чем не думая, уставился в пространство. В окно падал косой луч солнца. Он освещал бутылки на полках. Просеке сверкало как рубин.

Артём полоскал стаканы. Хозяйская кошка сидела на пианино и мурлыкала. Саша медленно выкурил сигарету. Здешний воздух нагонял сонливость. Своеобразный голос был вчера у этой девушки. Низкий, чуть резкий, почти тонкий и всё же ласковый.

– Дай-ка мне посмотреть телевизор, Артём, – сказал Саша.

Скрипнула дверь. Вошла Настя, кладбищенская проститутка, по прозвищу «Мамошка». Ее прозвали так за исключительную выносливость. Настя попросила чашку шоколада. Это она позволяла себе каждое воскресное утро; потом она отправлялась в Строгино навестить своего ребенка.

– Здорово, Александр!

– Здорово, Настюх, как поживает маленькая?

– Вот поеду, погляжу. Видишь, что я ей везу? Она развернула пакет, в котором лежала краснощекая кукла, и надавила ей на живот. «Ма-ма» – пропищала кукла. Настя сияла.

– Великолепно, – сказал Саша.

– Погляди-ка. – Она положила куклу. Щелкнув, захлопнулись веки.

– Изумительно, Настя.

Она была удовлетворена и снова упаковала куклу:

– Да, ты смыслишь в этих делах, Александр Ты еще будешь хорошим мужем.

– Ну вот еще! – усомнился он.

Настя была очень привязана к своему ребенку. Несколько месяцев тому назад, пока девочка не умела еще ходить, она держала ее при себе, в своей комнате. Это удавалось, несмотря на Настино ремесло, потому что рядом был небольшой чулан. Когда она по вечерам приводила кавалера, то под каким-нибудь предлогом просила его немного подождать, забежала в комнату, быстро задвигала коляску с ребенком в чулан, запирала ее там и впускала гостя. Но в декабре малышку приходилось слишком часто передвигать из теплой комнаты: в неотапливаемый чулан. Она простудилась, часто плакала и как раз в то время, когда Настя принимала посетителей. Тогда ей пришлось расстаться с дочерью, как ни тяжело это было. Настя устроила ее в очень дорогой приют. Там она считалась почтенной вдовой. В противном случае ребенка, разумеется, не приняли бы.

Настя поднялась:

– Так ты придешь в пятницу?

Саша кивнул.

Она поглядела на него:

– Ты ведь знаешь, в чем дело?

– Разумеется.

Он не имел ни малейшего представления, о чем идет речь, но не хотелось спрашивать. К этому он приучил себя за тот год, что был здесь инженером. Так было удобнее. Это было так же обычно, как и его обращение на «ты» со всеми девицами. Иначе просто нельзя было.

– Будь здоров, Саша.

– Будь здорова, Настя.

Он посидел еще немного. Но в этот раз что-то не клеилось, не возникал, как обычно, тот сонливый покой, ради которого он по воскресеньям заходил отдохнуть в «Sabor de la Vida». Он выпил еще стакан виски, погладил кошку и ушел.

Весь день он слонялся без толку. Не зная, что предпринять, нигде подолгу не задерживался. К вечеру пошел в мастерскую. Амиран был там. Он возился с кадиллаком. Они купили его недавно по дешевке, как старье. А теперь основательно отремонтировали, и Амиран как раз наводил последний глянец. В этом был деловой расчет. Они надеялись хорошенько на нем заработать. Правда, Саша сомневался, что это им удастся. В трудные времена люди предпочитают покупать маленькие машины, а не такой корабль.

– Нет, Эмир, мы не сбудем его с рук, – сказал Саша. Но Амиран был уверен.

– Это средние машины нельзя сбыть с рук, – заявил он. – Покупают дешевые и самые дорогие. Всегда есть люди, у которых водятся деньги. Либо такие, что хотят казаться богатыми.

– Где Сергей? – спросил Саша.

– На каком-то мероприятии встречи блогеров.

– С ума он сошел. Что ему там нужно?

Амиран засмеялся:

– Да этого он и сам не знает. Скорей всего, лето у него в крови бродит. Тогда ему обычно нужно что-нибудь новенькое.

– Возможно, – сказал Саша. – Давай я тебе помогу.

Они возились, пока не стемнело.

– Ну, хватит, – сказал Амиран.

Они умылись.

– А знаешь, что у меня здесь? – спросил Эмир, похлопывая по бумажнику.

– Ну?

– Два билета на бокс. Не пойдешь ли ты со мной?

Саша колебался. Он удивленно посмотрел на него:

– Поветкин дерется с Ковалевым. Будет хороший бой.

– Возьми с собой Сергея, – предложил Саша, и сам себе показался смешным Эмиру, что отказывается. Но ему не хотелось идти, хотя он и не знал, почему.

– У тебя на вечер что-нибудь намечено? – спросил он,

– Нет.

Он поглядел на Саню.

– Пойду домой, – сказал Саша. – Буду писать письма и тому подобное. Нужно же когда-нибудь и этим заняться.

– Ты заболел? – спросил он озабоченно.

– Да что ты, ничуть. Вероятно, и у меня лето в крови бродит.

– Ну ладно, как хочешь.

Саша побрел домой. Но, сидя в своей комнате, по-прежнему не знал, чем же заняться. Нерешительно походил взад и вперед. Теперь уже не понимал, почему его, собственно, потянуло домой. Наконец вышел в коридор, чтобы навестить Гришу, и столкнулся с Оксаной Николаевной.

– Вот как, – изумленно спросила она, – вы здесь?

– Не решаясь опровергать, – ответил он несколько раздраженно. Она покачала головой в седых бровях:

– Не гуляете? Воистину, чудеса.

У Гриши он пробыл недолго. Через четверть часа вернулся к себе. Подумал – не выпить ли? Но не хотелось. Сел к окну и стал смотреть на улицу.

Сумерки раскинулись над кладбищем крыльями летучей мыши. Небо за зоопарком было зеленым, как незрелое яблоко. Зажглись фонари, но темнота еще не наступила, и казалось, что они зябнут. Порылся в книгах, потом достал записку с номером телефона, выписанному с телеграмм канала. В конце концов, почему бы не позвонить? Ведь я почти обещал. Впрочем, может быть, ее сейчас и дома нет.

Он вышел на балкон, листая ленту контактов на телефоне, нашел её контакт и решил позвонить. Пока ждал ответа, почувствовал, как из динамика apple подымается мягкой волной легкое нетерпение. Девушка была дома. И когда ее низкий, звонкий голос словно из другого мира донесся сюда, на балкон, Оксаны Николаевны, и зазвучал вдруг под головами диких кабанов, в запахе жира и звяканье посуды, – зазвучал тихо и медленно, так, будто она думала над каждым словом, его внезапно покинуло чувство неудовлетворенности.

Вместо того чтобы только справиться о том, как она доехала, он договорился о встрече на послезавтра и лишь тогда закончил разговор, повесив трубку.

И сразу ощутил, что всё вокруг уже не кажется ему таким бессмысленным. «С ума сошел», – подумал Саша и покачал головой. Потом опять снял трубку и позвонил Амирану:

– Билеты еще у тебя, Эмир?

– Да.

– Ну и отлично. Так я пойду с тобой на бокс.

После бокса друзья еще немного побродили по ночному городу. Улицы были светлы и пустынные. Сияли вывески. В витринах бессмысленно горел свет. В одной стояли голые восковые куклы с раскрашенными лицами. Они выглядели призрачно и развратно. В другой сверкали драгоценности. Потом был магазин, залитый белым светом, как собор. Витрины пенились

пестрым, сверкающим шелком, свадебных платьев. Перед входом в кино на корточках сидели бледные изголодавшиеся люди. А рядом сверкала витрина продовольственного магазина. В ней высились башни консервных банок, лежали упакованные в вату вянущие яблоки, гроздь жирных гусей свисали, как белье с веревки, нежно-желтыми и розовыми надрезами мерцали окорока, коричневые круглые караваи хлеба и рядом копченые колбасы и печеночные паштеты.

Друзья присели на скамью в сквере.

Было прохладно. Луна висела над домами, как большая белая лампа. Полночь давно прошла. Неподалеку на мостовой рабочие разбили палатку. Там ремонтировали трамвайные рельсы. Шипели сварочные аппараты, и снопы искр вздымались над склонившимися темными фигурами. Тут же, словно полевые кухни, дымились асфальтные котлы.

Они сидели; каждый думал о своем.

– А странно вот так в воскресенье, Эмир, правда? Амиран кивнул.

– В конце концов радуешься, когда оно уже проходит, – сказал Саша задумчиво.

Амиран пожал плечами:

– Видимо, так привыкаешь гнуть спину в работе, что даже маленькая капелька свободы как-то мешает.

Саша поднял воротник:

– А что, собственно, мешает нам жить, Эмир? Он поглядел на него улыбаясь:

– Прежде было такое, что мешало, Саша.

– Правильно, – согласился друг.

– Но всё-таки? Вспышка автогена метнула на асфальт зеленые лучи. Палатка на рельсах, освещенная изнутри, казалась маленьким, уютным домиком.

– Как ты думаешь, ко вторнику покончим с кадиллаком? – спросил Саша.

– Возможно, – ответил Амиран. – Ас чего это ты?

– Да просто так.

Они встали.

– Я сегодня малость не в себе, Эмир, – сказал Саша.

– С каждым случается, – ответил Амиран. – Спокойной ночи, Саша.

– И тебе того же, Эмир.

* * *

Потом Саша еще немного посидел дома. Его конура вдруг совершенно перестала ему нравиться. Люстра была отвратительна, свет слишком ярок, кресла потертые, линолеум безнадежно скучен, умывальник слишком мал, кровать неудобная, и над ней картина с изображением женщины с собачкой, отдаленно напоминающая молодую Полину.

– Да ведь сюда же нельзя пригласить порядочного человека, думал Саша. Тем более женщину. В лучшем случае – только проститутку из «Azimut» на славянской площади.

* * *

Во вторник утром друзья сидели во дворе мастерской и завтракали.

Кадиллак был готов. Сергей держал в руках листок бумаги и торжествующе поглядывал на друзей.

Он числился заведующим отделом рекламы и только что прочел Амирану и Саше текст составленного им объявления о продаже машины.

Оно начиналось словами: «Отпуск на юге в роскошном кадиллаке», – и в общем представляло собой нечто среднее между лирическим стихотворением и гимном.

Саша с Амираном некоторое время помолчали. Нужно было хоть немного прийти в себя после этого водопада цветистой фантазии.

Сергей полагал, что они сражены.

– Ну, что скажете? В этой штуке есть и поэзия и хватка, не правда ли? – гордо спросил он.
– В наш деловой век нужно уметь быть романтиком, в этом весь фокус. Контрасты привлекают.

– Но не тогда, когда речь идет о деньгах, – возразил Саша.

– Автомобили покупают не для того, чтобы вкладывать деньги, мой друг, – пренебрежительно объяснял Сергей.

– Их покупают, чтобы тратить деньги, и с этой уже начинается романтика, во всяком случае для делового человека. А у большинства людей она на этом и кончается. Как ты полагаешь, Эмир?

– Знаешь ли... – начал Амиран осторожно.

– Да что тут много разговаривать! – прервал его Саша. – С такой рекламой можно про-
давать путевки на курорт или крем для дам, но не автомобили.

Сергей приготовился возражать.

– погоди минутку, – продолжал Саша. – Нас ты, конечно, считаешь занудами, Сергей. Поэтому я предлагаю – спросим Юрия. Он – это голос народа.

Юра, у них единственный служащий, пятнадцатилетний паренек, числился чем-то вроде ученика.

Он обслуживал станцию, приносил им завтрак и убирал по вечерам, иногда сидел за кассой автомагазина. Он был маленького роста, весь усыпан веснушками и отличался самыми большими и оттопыренными ушами, которые кто когда-либо видел. Амиран уверял, что если бы Юра выпал из самолета, то не пострадал бы. С такими ушами он мог бы плавно спланировать и приземлиться. Друзья позвали его. Сергей прочитал ему объявление.

– Заинтересовала бы тебя такая машина, Юра? – спросил Амиран.

– Машина? – спросил Юра.

Саша засмеялся.

– Разумеется, машина, – проворчал Сергей. – А что ж, по-твоему, речь идет о пище?

– А есть ли у нее круиз контроль? А как управляется кулачковый вал? Имеются ли гидравлические тормоза? Имеются ли блокировочные передачи? Это седан или джип? Какой пробег? Год? – осведомился невозмутимый Юра.

– Баран, ведь это же наш кадиллак! – рявкнул Сергей.

– Не может быть, – возразил Юра, ухмыляясь во всё лицо.

– Вот тебе, Сергей, – сказал Амиран, – вот она, современная романтика.

– Убирайся к своему тик-току, Юра. Проклятое дитя двадцать первого века!

Раздраженный Сергей отправился в мастерскую с твердым намерением сохранить весь поэтический пыл своего объявления и подкрепить его лишь некоторыми техническими данными.

* * *

Через несколько минут в воротах неожиданно появился старший инспектор Рустам. Встретили его с величайшим почтением. Он был инженером и экспертом страхового общества «Альфа», очень влиятельным человеком, через которого можно было получать заказы на ремонт. С ним установились отличные отношения. Как инженер он был самым сатаной, и его ни в чем невозможно было провести, но как любитель животных он был мягче воска. У него была большая коллекция картин, и однажды они подарили ему огромную картину с его бывшим питомцем.

Рустам даже побледнел от восторга и был чрезвычайно торжествен, когда они преподнесли ему эту рамку с изображением.

Оказалось, что он никогда не забывал этого и доставал друзьям заказы на ремонт где только мог. А они делали картины для него каждой козявки, которая только попадалась.

– Рюмку Балантайнса, господин Рустам? – спросил Сергей, уже успевший прийти в себя.

– До вечера не пью спиртного, – ответил Рустам. – Это у меня железный принцип.

– Принципы нужно нарушать, а то какое же от них удовольствие, – заявил Сергей и налил ему.

Рустам колебался недолго.

– Когда вы уж так за меня беретесь, не могу отказаться, – сказал он, принимая стакан. – Но тогда уж чокнемся и за «Франса Снейдерса». – Он смущенно ухмыльнулся, словно сказал двусмысленность о женщине:

– Видите ли, я недавно открыл новую линейку интересующих меня изображений.

– Черт возьми, – сказал Сергей. – Вот здорово! Значит, вы первооткрыватель и ваше имя войдет в историю анималиста!

Они выпили еще по рюмке в честь новых художников. Рустам утер рот:

– А я пришел к вам, с хорошей вестью. Можете отправляться за фордом. Автопарк согласилась поручить вам ремонт.

– Великолепно, – сказал Амиран. – Это нам очень кстати. А как с нашей сметой?

– Тоже утверждена.

– Без сокращений?

Рустам зажмурил один глаз:

– Сперва господа не очень соглашались, но в конце концов...

– Еще по одной за страховое общество «Альфа»! – воскликнул Сергей, наливая в стаканы.

Рустам встал и начал прощаться.

– Подумать только, – сказал он, уже уходя. – Дама, которая была в форде, всё же умерла несколько дней тому назад. А ведь у нее лишь порезы были. Вероятно, очень большая потеря крови. Подушка отстрельнула, она не была пристегнута.

– Сколько ей было лет? – спросил Амиран.

– Тридцать четыре года, – ответил Рустам. – И беременна на четвертом месяце. Застрахована на два миллиона рублей.

* * *

Ребята сразу же отправились за машиной. Она принадлежала владельцу таксопарка. Один из водителей беря её в аренду, ехал вечером, был немного пьян и врезался в отбойник. Но пострадала только его пассажирка;

На нем самом не оказалось даже царапины.

Они встретились с владельцем таксопарка в гараже, когда готовились выкатывать машину. Некоторое время он молча присматривался к ним;

Несколько обрюзгший, сутулый, с короткой шеей, он стоял, слегка наклонив голову. У него был нездоровый сероватый цвет лица, как у всех владельцев лизинговых парков, и в полумраке он напоминал большого печального Московского червя. Он медленно подошел к ним.

– Когда будет готова? – спросил он.

– Примерно через три недели, – ответил Амиран.

Владелец показал на верх машины:

– Ведь это тоже включено, не правда ли?

– С какой стати? – спросил Эмир. – Верх не поврежден.

Червь сделал нетерпеливый жест:

– Разумеется. Но можно ведь выкроить новый верх. И сделать оклейку брейдинга. Для вас это достаточно крупный заказ. Я думаю, мы понимаем друг друга.

– Нет, – ответил Амиран.

Он понимал его отлично. Этот субъект хотел бесплатно получить новый верх, и оклейку, за которые страховое общество не платило, он собирался включить его в ремонт нахрапом. Некоторое время они спорили с ним. Он грозил, что добьется, чтобы у них заказ отняли и передали другой, более сговорчивой мастерской.

В конце концов Амиран уступил. Он не пошел бы на это, если бы у них была работа.

– Ну то-то же. «Так бы и сразу», — заметил червяк с кривой ухмылкой.

– Я найду в ближайшие дни, выберу материал. Мне хотелось бы бело-серую, предпочитаю нейтральные краски.

Друзья выехали. По пути Сергей обратил внимание на сидение форда. На нем были большие черные пятна.

– Это кровь покойной пассажирки.

А он выторговывал новый верх и пленку.

«Нейтральные краски...» Вот это парень! Не удивлюсь, если ему удастся вырвать страховую сумму еще и с водителя...

Амиран пожал плечами:

– Он, вероятно, считает, что одно к другому не имеет отношения.

– Возможно, – сказал Сергей. – Говорят, что бывают люди, которых это даже утешает в горе. Однако нас он накрыл ровно на тридцать рублей.

* * *

Вскоре после полудня Саша под благовидным предлогом ушел домой. На пять часов была условлена встреча с Есенией Алексеевной, но в мастерской он ничего об этом не сказал. Не то чтобы он собирался скрывать, но ему всё это казалось почему-то весьма невероятным.

Она назначила ему свидание в кафе. Он там никогда не бывал и знал только, что это маленькое и очень элегантное кафе. Ничего не подозревая, зашел туда и, едва переступив порог, испуганно отшатнулся. Всё помещение было переполнено болтающими женщинами. Он попал в типичное место инста-самок.** (----Инста – запрещена в РФ.)

Лишь с трудом удалось ему пробраться к только что освободившемуся столику. Он огляделся, чувствуя себя не в своей тарелке. Кроме него, было еще только двое мужчин, да и те ему не понравились.

– Кофе, чаю, шоколаду? – спросил официант и смахнул салфеткой несколько сладких крошек со стола Саше на костюм.

– Большую рюмку коньяку, – потребовал Саша.

Он принес. Но заодно он привел с собой компанию дам, которые искали место, во главе с пожилой особой атлетического сложения, в шляпке с стразами.

– Вот, прошу, четыре места, – сказал Официант, указывая на мой стол.

– Стоп! – ответил Саша. – Стол занят. Ко мне должны прийти.

– Так нельзя, сударь, – возразил Официант. – В это время у нас не полагается занимать места.

Саша поглядел на него. Потом взглянул на атлетическую даму, которая уже подошла вплотную к столу и вцепилась в спинку стула. Увидев ее лицо, он отказался от дальнейшего сопротивления.

Даже пистолеты не смогли бы поколебать эту особу в ее решимости захватить стол.

– Не могли бы вы тогда по крайней мере принести мне еще коньяку? – проворчал Саша, обращаясь к Официанту.

– Извольте, сударь. Опять большую порцию?

– Да.

– Еще меню? – Он поклонился.

– Ведь это стол на шесть персон, сударь, – сказал он извиняющимся тоном.

– Ладно уж, принесите только коньяк. Атлетическая особа, видимо, принадлежала к обществу язвенников трезвенников. Она так уставилась на его рюмку, словно это была взбитая селедка под шубой с шоколадным кремом и пастилой. Чтоб позлить ее, Саша заказал еще одну и в упор взглянул на нее. Вся эта история его внезапно рассмешила.

– Зачем я забрался сюда? Зачем мне нужна эта девушка? Здесь, в суматохе и гаме, я вообще ее не узнаю. Разозлившись, он проглотил свой коньяк.

– Хаюшки! – раздался голос у него за спиной. Он вскочил. Она стояла и смеялась:

– А вы уже заблаговременно начинаете?

Саша поставил на стол рюмку, которую всё еще держал в руке. На него напало вдруг замешательство. Девушка выглядела совсем по-иному, чем запомнилось ему.

В этой толпе раскормленных баб, жующих пирожные, салаты и фунчозу с том ямом, она казалась стройной, молодой красавицей, прохладной, сияющей, уверенной и недоступной.

«У нас с ней не может быть ничего общего», – подумал он и сказал:

– Откуда это вы появились, словно призрак? Ведь я всё время следил за дверью.

Она кивнула куда-то направо:

– Там есть еще один вход. Но я опоздала. Вы уже давно ждете?

– Вовсе нет. Не более двух-трех минут. Я тоже только что пришел.

Компания за его столом притихла. Он чувствовал оценивающие взгляды четырех матрон на своем затылке.

– Мы останемся здесь? – спросил Саша.

Девушка быстро оглядела стол. Ее губы дрогнули в улыбке. Она весело взглянула на него:

– Боюсь, что все кафе одинаковы.

Он покачал головой:

– Те, которые пусты, лучше. А здесь просто чертово заведение, в нем начинаешь чувствовать себя неполноценным человеком. Уж лучше какой-нибудь бар.

– Бар? Разве бывают бары, открытые средь бела дня?

– Я знаю и не один, – ответил Саша. – И там вполне спокойно. Если вы не возражаете...

– Ну что ж, для разнообразия...

Он посмотрел на нее. В это мгновение он не мог понять, что она имеет в виду. Он не имеет ничего против иронии, если она не направлена против него. Но совесть у него была нечиста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.